

Павел Васильевич Анненков

**Наше общество
в «Дворянском
гнезде» Тургенева**

Павел Анненков

**Наше общество в «Дворянском
гнезде» Тургенева**

«Public Domain»

1859

Анненков П. В.

Наше общество в «Дворянском гнезде» Тургенева /
П. В. Анненков — «Public Domain», 1859

«Трудно сказать, начиная разбор нового произведения г. Тургенева, что более заслуживает внимания: само ли оно со всеми своими достоинствами, или необычайный успех, который встретил его во всех слоях нашего общества. Во всяком случае, стоит серьезно подумать о причинах того единственного сочувствия и одобрения, того восторга и увлечения, которые вызваны были появлением «Дворянского гнезда». На новом романе автора сошлись люди противоположных партий в одном общем приговоре; представители разнородных систем и воззрений подали друг другу руку и выразили одно и то же мнение. Роман был сигналом повсеместного примирения...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	10
-----------------------------------	----

Павел Васильевич Анненков

Наше общество в «Дворянском гнезде» Тургенева

Трудно сказать, начиная разбор нового произведения г. Тургенева, что более заслуживает внимания: само ли оно со всеми своими достоинствами, или необычайный успех, который встретил его во всех слоях нашего общества. Во всяком случае, стоит серьезно подумать о причинах того единственного сочувствия и одобрения, того восторга и увлечения, которые вызваны были появлением «Дворянского гнезда». На новом романе автора сошлись люди противоположных партий в одном общем приговоре; представители разнородных систем и воззрений подали друг другу руку и выразили одно и то же мнение. Роман был сигналом повсеместного примирения и образовал род какого-то литературного *treve de Dieu*¹, где каждый позабыл на время свои любимые мнения, чтобы вместе с другими спокойно насладиться произведением и присоединить голос свой к общей и единодушной похвале. Конечно, тут можно видеть торжество поэзии и художнического таланта, самовластно подчиняющих себе разнороднейшие оттенки общественной мысли, но с некоторою основательностью тут можно предполагать также, что не каждая из рукоплещущих сторон одинаково понимает внутреннее значение произведения, и не каждая в приговоре своем подразумевает именно то, что другие.

Разбирать причины и, так сказать, составные части громадного успеха, встреченного романом г. Тургенева – не наше дело. Скажем только, что явление это, по нашему мнению, принадлежит к числу очень замечательных явлений последнего времени. Мы хорошо понимаем единодушие в приговоре, когда дело заходит об общей идее, в которой каждый человек порознь или целый народ вместе узнают свою неотъемлемую собственность, свое отражение и цель для своих стремлений; но единодушие перед свободным проявлением авторской фантазии, перед вопросом искусства, перед фигурами и образами, которые вызваны потребностью отдельного, частного лица или его художническою прихотью – такое единодушие представляет уже хорошую тему для исследования. Достаточно вспомнить, что для образования подобного факта нужно было каждому из многочисленных судей позабыть на время все нажитые им теоретические отношения к другим людям (иначе он бы никогда с ними не сошелся), а это вообще довольно редко случается во всех литературах. При подобных явлениях уму наблюдателя неизбежно представляется одно из двух: или счастливое произведение вдруг осветило эстетическим и моральным потребностям, жившим скрытною, затаенною жизнью в умах большей части современников, или при оценке произведения существует какого-либо рода недоразумение, имеющее право на раскрытие и объяснение.

Мы можем сказать откровенно, что, по искреннему нашему убеждению, в составлении успеха новому произведению г. Тургенева участвовали в известной мере и то и другое из этих условий.

Когда-то, довольно давно, печатно было замечено, что для автора «Записок охотника» период поэтических анекдотов с тонкими чертами из народного быта, с мастерски заостренным юмористическим словом, с легкими, по-видимому, но глубоко задуманными и сильно выработанными картинками и положениями, прошел безвозвратно. После «Записок охотника» автору не оставалось ничего более, как пуститься в открытое море полной, многосторонней народной жизни, если он не хотел укорениться в одном роде и вечно плавать у берегов быта, в этих анекдотах, похожих на изящные, щеголеватые лодочки, неоценимые для

¹ (примирение именем Бога (фр.))

прогулок, для полусерьезных и полушутливых бесед, но мало пригодных к большому, долгому и серьезному плаванью за богатствами русского духа и русской поэзии. Кроме сельских подробностей, помещичьих и чиновничьих нравов, на очереди художнического воспроизведения стояло еще тогда целое, так называемое образованное общество наше со всеми разнообразными своими явлениями, которые возникали, двигались, цвели и умирали без всякого свидетеля, наподобие невидимок, редко-редко оскорбляемые любопытным взором наблюдателя. Из этого странного терема, созданного, как и все терема, пренебрежением, ленью мысли и самодовольством писателей, г. Тургенев пытался с самого начала освободить несколько образов, но он относился еще к новому миру, куда вступал, очень горделиво; он как бы сомневался, способен ли этот мир к независимой жизни в искусстве, сумеет ли он держать себя как следует и принесет ли он честь и похвалу своему покровителю. Вместо того, чтобы попытаться уразуметь черты открывшегося ему мира, автор стал *выбирать* между ними и, как бывает всегда в таких случаях, выносил на свет не то, что действительно имело силу и значение в обществе, а то, что походило на самого искателя, на собственные его идеалы. Но явления жизни неумолимы, как древние боги. Их не вызовешь презрением или укором, их не дождешься, сложа горделиво руки на груди, и вдобавок ничем их не заменишь: ими надо овладеть открыто и честно, как овладевают сердцем гордой и благородной женщины, для чего очищают и исправляют собственную свою мысль и собственную свою жизнь. Не всякий способен к такому смелому приступу, который один дает победу и обладание: вот почему большая часть изящных произведений, содержание которых касалось истории нашего общества, отличалось в то время выдумыванием явлений, подлогом и подставкой изобретенных мотивов вместо настоящих и жизненных. Покуда само общество хранило суровое, равнодушное молчание, – ложные слухи, произвольные догадки и сплетни ходили о нем по литературе без малейшего препятствия. Даже Гоголь не мог изменить литературную привычку к выдумке, лишь только основная интрига произведения помещалась в среде тех слоев общества, которые непосредственно следуют за мелким чиновничеством, сельским дворянством и городским провинциальным населением. Самые странные литературные букеты, не имевшие ни формы, ни цвета, ни запаха, набирались именно на той почве, которая принадлежала классам, заявляющим претензию на образованность, на умение лучше понимать жизнь и разумнее, богаче и художественнее устроить ее. Великий пример Гоголя принес одну только пользу: он обратил писателей в чутких сторожей, которые на пороге этого особенного и разнообразнейшего общества проводили дни и ночи, ожидая, не покажется ли кто случайно из вечно замкнутых и недоступных дверей. Когда сама теснота и обилие жизни, там царствующей, выбрасывали какое-либо явление наружу, подобно тому, как некоторые многолюдные страны выбрасывают излишек своего населения в Америку, неусыпные стражи устремлялись на жертву с поспешностью и рвением людей, проживших многие сутки без сна и дела или с пустым делом в руках. Таким образом получили мы несколько настоящих типов, разработанных, надо признаться, очень удовлетворительно и множеством несомненных талантов, потому что таланты у нас находятся в обратной пропорции со *знанием*: знания мало, дарований много. Впрочем, мы все-таки должны быть благодарны этого рода литературному захвату, как ни мало требовал он доблести, усилий мысли и наблюдения. По милости его, мы приобрели, как уже сказали, несколько законченных типов, например, тип *широкой натуры*, освободившей себя от всякой ответственности перед совестью, тип *ничтожного характера* с сильными претензиями и развитой головой, тип *благонамеренного бюрократа*, загоняющего людей к порядку и добродетели, как стадо ит. д. Мы подстерегали жизненные явления из-за угла недаром!

Немного ранее «Рудина», и особенно с этого романа мы видим г. Тургенева уже в середине того круга, по внешней окраине которого ходила вся наша литература, и не только в середине, но в прямом, открытом и свободном общении со всем его поэтическим, комиче-

ским и подчас трагическим населением. Нажитые понятия, предубеждения и предрассудки остались у него за порогом нового мира, да и в этом новом мире он уже ищет не *исключительных явлений*, которыми можно было бы поразить простых людей, а ищет человека с отношениями, определяющими и направляющими его. Как ни отрывчаты его рассказы, как ни слышится в них еще тайная робость за себя и за внутреннее достоинство выводимых им лиц, говор публики вокруг новых его произведений показал, что он уже близок к настоящему делу, что ему остается превратить свои намеки в ясные, положительные факты, договорить свои полуоткровения, доделать фигуры, брошенные на половине, и получить затем право на название летописца современной жизни. Через ряд более или менее удачных опытов г. Тургенев дошел наконец до простой, многозначительной драмы, какая является в «Дворянском гнезде» и каких тысячи втихомолку разыгрываются по разным углам нашего отечества, дошел до лиц и характеров, нисколько не запятнанных грубым авторским произволом, а взятых из неисчислимой движущейся толпы так называемого образованного общества, где они укрываются от ленивого наблюдения; словом, он изобразил такое событие, которое оказалось связанным тончайшими нитями с нашею современностью, с сердцами всего настоящего, или, лучше, всего *отживающего* поколения. Таков был результат смелого и вместе дружелюбного отношения к жизни. Мудрено ли, что общество, узнав наконец в яркой картине одну из тайн собственного существования, встретило картину с увлечением и восторгом, которыми оно обыкновенно награждает людей, открывающих ему дорогу к самосознанию, к оценке себя и к суду над собой?

Но мы сказали также, что в составлении огромного большинства хвалителей нового произведения г. Тургенева участвовало и участвует, почти равную частью с основательными и вполне законными причинами, простое недоразумение. Нетрудно будет доказать это, если потрудимся разобрать хоть отчасти толки и суждения публики по поводу главных действующих лиц романа, и особенно по поводу самого поэтического и самого привлекательного из них – барышни провинциального города, благородной Лизаветы Михайловны.

Дело вот в чем. Из среды патриархального, но уже суетного и испорченного семейного быта г. Тургенев вывел образ молодого существа, которое с первых шагов на поприще жизни замечает, что оно не вторит общим интересам окружающих, их понятиям, радостям и заботам. В душе Лизаветы Михайловны созрел идеал существования, который не может сдружиться с тем, что представляется девушке в настоящем и чего может она ожидать в будущем. После первых неудачных усилий помириться на чем-нибудь в текущей жизни, она быстро разрывает с ней все связи и заключается в монастырь.

Общее выражение участия и умиления со стороны публики проводило ее в это последнее убежище; но нельзя сказать, чтобы характер девушки и сущность ее жизни были оценены и поняты удовлетворительно большинством ее поклонников; иначе последние не стали бы так много соболезновать о судьбе ее, и, может статься, вместе со слезами сострадания явилось бы у них и какое-либо другое чувство. Нам кажется, что внешняя сторона ее существования много участвовала в привлечении к ней тех симпатий, которыми она теперь пользуется. В самом деле, вот девушка, мечтающая исключительно о моральных обязанностях своих, когда в ее годы и в ее положении думается о светлой поэзии и радостях жизни; вот первые проблески любви и счастья, падающее на ее сердце не живительною росой, а каплями яда и огорчений; вот отступает она перед грубою действительностью, начинает чувством святое отвращение к земным искушениям и торопится унести девственную чистоту ума и сердца в суровую монастырскую келью. Не для жизни даны ей были молодость, красота, высокие предчувствия истины и блага, все погибло в цвете, застигнутое неожиданным морозом среди весны, и притом той чудной весны, какая восстает всегда под пером г. Тур-

генева. Inde²... отсюда слезы! Но если бы судить о лице этом по выражению горя и жалоб, возбужденных им в читателях, то пришлось бы отнести его к числу тех слабых, хотя и интересных организмов, которые страдают потому, что неспособны к здоровому человеческому существованию. Кто из поклонников Лизаветы Михайловны заметил, что в нежную, грациозную и обаятельную форму ее облеклась такая строгая идея, какая часто бывает не под силу и более развитым и более крепким мышцам? Лизавета Михайловна способна тронуть и вызвать у самого хладнокровного читателя, это правда, но одною слезой и сожалением она не может довольствоваться: она имеет право на нечто большее, нежели слеза и сожаление, чем, как известно, вполне оцениваются и достаточно вознаграждаются многие героини трогательных романов, испытавшие горе и несчастья.

А затем еще в общем хоре поклонников нашей повести сильную долю голосов образует новая и особенная раса «искателей идеалов».

Удивительно иногда становится, когда подумаешь, к какому употреблению и к какому злоупотреблению способны бывают *слова*! Чего не вводится иногда под покрывало слова, весьма определенного сначала, но затем потерявшего от общего употребления, как старая монета, первоначальный штамп и надпись свою? Чего не стараются тогда схоронить в его недрах, и подчас каким странным требованиям и целям принуждено оно бывает служить и отвечать? Идеалом, на языке эстетики, означает всякий образ, соединяющий в себе всю ту сумму нравственных и поэтических черт, какая ему свойственна по природе его. Это очень просто и, пожалуй, может быть выражено еще в другой формуле, именно: всякий нравственный и поэтический образ, верный действительности и самому себе, есть идеал. На основании этого определения и комическое лицо под пером художника-писателя может оказаться идеалом, так же точно, как, на основании того же определения, самая благонамеренная фигура, снабженная многими добродетелями и прекрасными мнениями, но без жизненной и поэтической правды, не в состоянии будет добиться до желаемого повышения в идеале. С этой азбукой эстетики благоразумное меньшинство новейших искателей идеалов, пожалуй, и согласится отвлеченно, но вот где вся партия целиком расходится с эстетикой. Настоящий идеал может иногда казаться осуждением и отрицанием того низшего порядка вещей, где он явился и призван действовать, а у ложных идеалистов он обязан узаконять его и мирить с ним. На языке новейших искателей идеалов всякая попытка облагородить будничные, так сказать, подробности жизни, пошлый ход ее, грубые и закоренелые ее привычки, называется стремлением к идеализации, и чем труднее задача – сообщить пошлomu какое-либо значение и достоинство, тем выше ценят они усилия писателя и тем сильнее приходят от него в восторг. С ужасом и отвращением бегут они, в ремесле, от замазки первоначального материала красками и лаком, какая почасту делается для прикрытия его трещин и пороков; замазка и лак, наоборот, составляют для них желанную цель и последнее слово в искусстве. Они отличаются от всех других искателей тем, что непричастны их волнениям, а, напротив, любят покой, умственную и физическую негу: идеал для них – почти то же, что праздник для школьника, освобождающий его от всех обязанностей и от всякой заботы. Они бы желали праздника на круглый год, и если можно, навсегда. Вместе с тем в уме их таится невысказанное желание, чтоб идеалы служили щегольскими ширмами для прикрытия неприятных житейских случаев, требующих скорой и деятельной помощи, – для устранения от глаз явлений и событий, волнующих общественную совесть и нарушающих безмятежное состояние души, которое им так дорого. Они даже судят об относительном достоинстве идеалов по материальному употреблению, какое можно сделать из того или другого. Сквозь запуганные определения идеал их часто выглядывает не в образ эстетического понятия, а в форме полезной меры благочиния. Завидев в лице Лизаветы Михайловны безропотную покорность

² отсюда (лат.)

судьбе, убедясь, что впечатление, производимое ею, тихо и отрадно, и особенно не найдя в ней никакого протеста против людей и обстоятельств, от которых она без жалобы скрывается в монастырской келье, вся эта раса новейших искателей идеалов в один голос причислила ее к сонму своих любимцев и увенчала автора за создание такого бескорыстного, скромного и похвального существа.

Но так ли все это?

Есть афоризм, не подлежащий сомнению: «Поэты рождаются», – но можно прибавить к нему, что и высоконравственные характеры тоже «рождаются», по крайней мере, возникновение их часто бывает необъяснимо. Они образуются иногда без помощи воспитания, примера, правил и указаний, сохраняемых семейством от старины или от господствующего учения; они могут явиться (и часто являются) в години полной духовной тьмы, в недрах самого испорченного круга, при совершенном отсутствии моральных убеждений, еще не добытых или уже потерянных окружающим их миром. Этими характерами доказывается только высокое достоинство человеческой природы, способной всегда творить нравственные типы, ее выражающие. Иногда нет никакой возможности указать, где началась работа их благодатной мысли, когда и чем пробудилась их душа, по какому поводу они разошлись с общими понятиями и создали себе особенную мерку для определения добра и правды. Достоверно одно, что иногда достаточно самой скудной духовной пищи для развития их морального существования в изумительном блеске; какая-нибудь книжка, какое-нибудь ничтожное событие в домашнем быту делаются неожиданно крепкими основами их будущего развития. Для Лизаветы Михайловны достаточно было няни Агафьи с ее пламенным рассказом о мучениках и подвижниках, с ее народно-мистическим настроением, чтоб обратить молодой ум совсем в противоположную сторону, именно: к строгому *пониманию* моральной идеи, заключающейся в религии. Часто даже глубоко нравственные характеры обходятся и без этих толчков, без этой подмоги на первых шагах своих в жизни. Учителями их делаются просто все безобразные, темные, неразумные и тупые проявления страстей и обычаев окружающего их быта; они учатся правде ввиду господствующего произвола, сознанию обязанностей своих – на духовном и телесном растлении близких людей, порядку, справедливости и снисхождению – на общей распущенности и на диких порывах животного существования. Можно сказать даже, что чем заразительнее все примеры, окружающие их, тем они тверже укореняются и смелее идут в правом пути. Кто впервые указал его, кому обязаны они первым известием об его существовании, – неизвестно. Может быть, это – неизбежное действие приспевшего времени обновления для всех, или, может быть, это – действие точно такой же благодати, как, например, поэтический дар; как бы то ни было, Лизавета Михайловна принадлежит к семье этих самородных нравственных характеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.